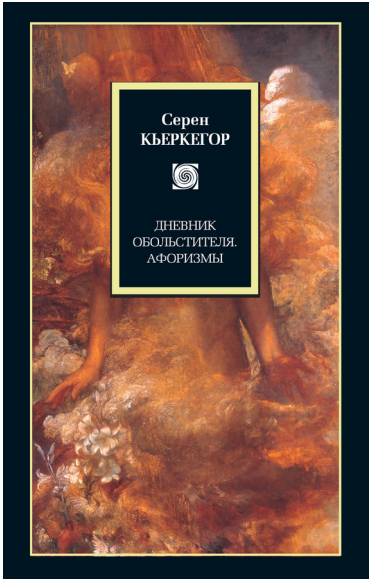

Серен Кьеркегор

Дневник обольстителя. Афоризмы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5019817
Дневник обольстителя; Афоризмы: Астрель; М.: 2012
ISBN 978-5-271-40249-4, 978-5-271-40250-0

Аннотация

В книгу известного датского философа и писателя Серена Кьеркегора (1813—1855) вошли его лучшие произведения: роман «Дневник обольстителя», раскрывающий идеальную стратегию любовного соблазнения и подчинения юной девушки, а также знаменитые «Афоризмы».

Содержание

Дневник обольстителя	4
Предыстория	4
4 апреля	11
5 апреля	13
7 апреля	15
9 апреля	17
11 апреля	18
14 апреля	19
20 апреля	20
21 апреля	21
5 мая	22
6 мая	23
12 мая	24
15 мая	25
16 мая	28
19 мая	29
20 мая	30
21 мая	31
22 мая	32
23 мая	33
27 мая	34
30 мая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Серен Кьеркегор

Дневник обольстителя. Афоризмы

Дневник обольстителя

*Sua passion' predominante
e la giovin principiante.*

*Преобладающей его страстью
были молоденькие девушки. (итал.).
Don Giovanni, Aria*

Предыстория

Собираясь ради личного своего интереса снять точную копию с бумаг, с которыми я познакомился так неожиданно и которые произвели на меня такое сильное, волнующее впечатление, я не могу отделаться от какого-то невольного смущения и страха. Впечатления первой минуты открытия выступают передо мной с прежней силой. Приятель мой уехал куда-то на несколько дней, оставил, против обыкновения, свой письменный стол открытым, и все, что в нем находилось, было, таким образом, в моем полном распоряжении. Обстоятельство это, конечно, нисколько не оправдывает моего поступка, да и напрасно оправдываться, но я все-таки прибавлю еще, что один из ящиков, полный бумаг, был слегка выдвинут, и в нем на самом верху лежала большая тетрадь в красивом переплете; на верхней корочке переплета был приклеен билетик с надписью, сделанной рукой моего приятеля: *Commentarius regreuius* (Последовательные заметки – *лат.*). Напрасно также с моей стороны оправдывать себя и тем обстоятельством, что книга лежала как раз этой стороной переплета кверху. Ведь если бы меня не соблазнило оригинальное и заманчивое заглавие тетради, я, быть может, и устоял, или, по крайней мере, постарался устоять против искушения ознакомиться с ее содержанием... А заглавие было действительно заманчиво, и не столько само по себе, сколько по сравнению с остальными окружающими бумагами. Стоило мне бросить на них беглый взгляд, и я уже знал, вернее, угадал их содержание: эротические наброски, намеки на различные отношения и, наконец, черновые письма особого рода; несколько позже мне пришлось познакомиться с ними в окончательной, тонко рассчитанной и художественно выполненной небрежной форме. Теперь, когда коварная душа этого безнравственного человека стала для меня уже открытой книгой, мною (если я вновь представлю себя мысленно перед тем раскрытым ящиком) овладевает чувство полицейского, неожиданно обнаружившего приют подделывателя ассигнаций: отпирая ящики, он находит кучу бумажек – пробы различного шрифта, образчик виньетки, подпись кассира, строки, писанные справа налево... Он сознает, что попал на верный след, и смешанное чувство радости, некоторого страха и, наконец, удивления наполняет его душу. Между мной и полицейским, однако, та разница, что у меня нет ни привычки к подобным открытиям, ни права делать их; я в описываемом случае стоял совершенно на незаконной почве, потому и чувствовал себя несколько иначе: мысли спутались, слова куда-то затерялись. Первое впечатление слишком озадачило меня, а размышление еще не вступило в свои права. Обыкновенно, чем больше развита у человека способность мыслить и соображать, тем быстрее и искуснее мысли его подбираются к предмету, осматривают его со всех сторон и затем вполне им овладевают. Развитое соображе-

ние, как паспортист для иностранцев, настолько уже освоилось с самыми разнообразными, причудливыми типами, что его нелегко поставить в тупик. Как ни развиты, однако, у меня соображение и мышление, признаюсь, что в первую минуту я положительно растерялся и даже побледнел и от неожиданности открытия, и от мысли: а вдруг он сейчас вернется и застанет меня в этом положении, перед раскрытым ящиком?! Да, нечистая совесть может-таки внести в жизнь некоторый интерес и оживление!

Судя по заглавию найденной тетради, я принял было ее за собрание различных эскизов, тем более, что знал, как серьезно относится мой приятель ко всякому предпринятому им литературному труду. Оказалось, что я ошибся, и это был аккуратно веденный дневник. Не зная еще содержания этого дневника и опираясь на свое прежнее знакомство с его автором, я не мог согласиться с заглавием на тетради, – я не находил, чтобы жизнь моего приятеля особенно нуждалась в комментариях, – зато теперь я не могу отрицать, что заглавие было выбрано с большим вкусом. Оно вполне гармонирует с содержанием дневника. Вся жизнь моего приятеля представляла, как оказалось, ряд попыток осуществить свою мечту – жить исключительно эстетической жизнью (и так как у него в высшей степени была развита способность находить интересное в жизни, то он и пользовался ею), а затем поэтически воспроизводить пережитое на бумаге. Строго исторического или просто эпического характера предлагаемый дневник не носит, содержание его скорее условное, чем положительное. Без сомнения, приятель мой записывал события уже после того, как они совершались, иногда, может быть, даже спустя очень долгое время, тем не менее самый рассказ так жив и драматичен, что события как бы совершаются перед нами въявь. Я не думаю, чтобы приятель мой, ведя дневник, имел в виду какую-нибудь постороннюю цель: как в целом, так и в частностях, дневник этот не допускает возможности видеть в нем поэму, предназначенную для печати, и, по-видимому, имел для автора исключительно личное значение. Но во всяком случае автор не имел бы причин и бояться издать его: большинство собственных имен, встречающихся в нем, так странны, что невольно является сомнение в их исторической верности. Я имею основание думать, что только первое собственное имя действующих лиц оставлялось автором без изменения для того, чтобы сам он впоследствии мог знать о ком идет речь, а всякий посторонний был бы обманут фамилией. Это, заметил я, по крайней мере, относительно Корделии – девушки, на которой сосредоточен главный интерес дневника и которую я знал лично. Настоящая фамилия ее не имела ничего общего с той, которую она носит в дневнике.

Объяснение поэтического характера дневника найти нетрудно. Поэтическая натура моего приятеля была недостаточно богата или, если хотите, недостаточно бедна, чтобы отличить поэзию от действительности. Напротив, он сам вносил поэзию в окружающую его действительность и, насладившись, уносил ее обратно в виде поэтических воспоминаний и размышлений. В этом заключалось для него двойное наслаждение: в первом случае он сам отдавался упоению эстетического, во втором – он эстетически наслаждался своей личностью; в первом – он лично эгоистически наслаждался этой, им же самым опозитизированной действительностью, во втором – личное «я» как бы стушевывалось: наслаждаясь каким-нибудь положением, он смотрел на себя как-то со стороны и наслаждался видом самого себя в этом положении. Словом, вся жизнь его была рассчитана на одно наслаждение, и хотя в первом случае действительность была для него необходима как повод, момент, во втором – она совершенно исчезала в поэзии. Плодом наслаждения второго рода является, таким образом, сам дневник, а плодом первого – настроение, в котором он велся, объясняющее также его поэтический характер. Именно благодаря этой двойственности, которая проходила через всю жизнь автора, у него и не было недостатка в поэтическом материале.

Мир, в котором мы живем, вмещает в себя еще другой мир, далекий и туманный, находящийся с первым в таком же соотношении, в каком находится с обыкновенной сценической обстановкой – волшебная, изображаемая иногда в театре среди этой обыкновенной, и

отделенная от нее тонким облаком флера. Сквозь флер, как сквозь туман, виднеется словно бы другой мир, воздушный, эфирный, иного качества и состава, нежели действительный. Многие люди, живущие материально в действительном мире, принадлежат, в сущности, не этому миру, а тому, другому. Причиной подобного исчезновения человеческой личности в мире действительности может быть как избыток жизненных сил, так и известная болезненность натуры.

На последнюю причину можно указать, имея в виду моего приятеля, которого я так долго знал, не зная его в сущности. Не принадлежа действительному миру, он тем не менее постоянно вращался в нем, но при этом даже в те минуты, когда почти всецело отдавался ему и телом и душой, оставался как-то вне его, точно скользя лишь по его поверхности. Что же именно влекло его за пределы действительности? Не добро и не зло – последнего я не могу сказать даже теперь. Он просто страдал *exacerbatio cerebri* (помрачение рассудка – *лат.*), и действительность как-то не действовала на него, самое большее – моментально; в ней не находилось достаточно сильных раздражающих стимулов для него, его натура была слишком крепка, но в этой-то излишней крепости и скрывалась его болезнь. Как только действительность теряла свои возбуждающие стимулы, он становился слабым и беспомощным, что и сам сознавал в минуты отрезвления и в чем лежало главное зло.

Героиню дневника, Корделию, я, как уже сказал, знал лично; были ли еще жертвы этого соблазнителя, я точно не знаю, но это, пожалуй, можно заключить из дневника, в котором вообще так ярко обрисовывается личность автора. Духовная сторона, преобладающая в его натуре, не допускала его довольствоваться низменной ролью обыкновенного обольстителя: это было бы слишком грубо для его тонко развитой организации; нет, в этой игре он был настоящим виртуозом. Из дневника видно, что конечной целью его настойчивых желаний был иногда только поклон или улыбка, так как в них именно, по его мнению, была особая прелесть данного женского существа. Случалось таким образом, что он увлекал девушку, в сущности совсем не желая обладать ею в прямом смысле этого слова. В таких случаях он продолжал вести свою игру лишь до того момента, когда девушка была, наконец, готова принести ему в жертву все. Видя, что такой момент наступил, он круто обрывал отношения. Благодаря его блестящим дарованиям и почти демоническому умению вести свою игру, подобные победы давались ему очень легко, даже без малейшего шага к интимному сближению с его стороны: ни слова любви, ни признания, не говоря уже о клятвах и обещаниях. Тем не менее, победа была полная, и несчастная страдала тем более, что в своих воспоминаниях она не могла отыскать ни малейшей точки, на которую могла бы опереться. Она как будто попадала в какой-то заколдованный круговорот: бешеный вихрь подхватывал ее мысли, чувства, упреки себе, ему; прощение, надежда, сомнения – все кружилось, путалось в ее мозгу и сердце. Иногда ей казалось даже, что все случившееся с ней было лишь бредом, фантазией – так, в сущности, не действительны были их отношения друг к другу. Она не могла даже облегчить душу, поверить свою тайну кому-нибудь: ей нечего было поверять. Сон, мечту можно еще передать другому словами, но случившееся с ней в действительности мгновенно таяло, обращалось в ничто, как только она хотела воплотить его в словах и образах; да, оно исчезло, но в то же время продолжало давить ее тяжким бременем. Горе такой жертвы было не сильным, но естественным горем обманутых и покинутых девушек: она не могла облегчить своего переполненного сердца ни ненавистью, ни прощением. Посторонний глаз не мог уловить в ней никакого видимого изменения, она продолжала жить по-прежнему, доброе имя ее оставалось незапятнанным, но все ее существо как бы перерождалось, непонятно для нее самой, невидимо для других. Ей не нанесено было никакой видимой раны, жизнь ее не была грубо надломлена чужой рукой, но как-то загадочно уходила внутрь, замыкалась в самой себе. Словом, ни следа, ни повода, чтобы кто-нибудь мог увидеть в ней жертву, а в нем обольстителя; в этом отношении он был чист от всяких обвинений. Как уже сказано,

он жил слишком отвлеченной жизнью, умом и воображением, чтобы быть обольстителем в обыкновенном смысле этого слова, но ему случалось предаваться и чувственности. Это доказывает его история с Корделией. С ней он является фактическим обольстителем, но и здесь личное участие его настолько неясно, что никакое доказательство немыслимо, и даже сама несчастная девушка иногда как бы сомневается: кто из них виноват? Женщина была для него лишь возбуждающим средством; надобность миновала, и он бросал ее, как дерево сбрасывает с себя отзеленевшую листву: он возрождался – она увядала.

Но что же творилось при этом в его собственной душе? Я думаю, что, запутывая, вводя в заблуждение других, он кончит тем, что запутается окончательно и сам. Ведь если возмутительно направить заблудившегося путника на неверную дорогу и покинуть его там, то во сколько же раз возмутительнее ввести человека в заблуждение уже не относительно внешних явлений, а относительно его самого? Заблудившийся путник имеет по крайней мере надежду как-нибудь выбраться: местность перед ним меняется, и каждое новое изменение порождает новую надежду. Но человек, заблудившийся в самом себе, скоро замечает, что попал в какой-то круговорот, из которого нет выхода; мысли и чувства в нем мешаются, и он в отчаянии перестает, наконец, сам понимать себя. Однако и это все – ничто в сравнении с положением самого хитреца, потерявшего в конце концов нить и запутавшегося в своем собственном лабиринте. Совесть его пробуждается, и он тщетно призывает на помощь свое остроумие. Как поднятая лисица, мечется он в своей норе, ища одного из бесчисленных выходов, оставленных на всякий случай; вот ему мерещится издали луч дневного света, он кидается туда, и что же? Это лишь новый вход! Вместо того чтобы выбраться, он таким образом постоянно возвращается в себя самого. Такого человека нельзя назвать вполне преступным – он сам был обманут своими интригами, но тем ужаснее его наказание. Что значат угрызения совести преступника в сравнении с таким сознательным безумием? Наказание, постигающее его, чисто эстетическое, и выражение «совесть его пробуждается» слишком, если можно так выразиться, «этично», чтобы пояснить его душевное состояние. Чувство, овладевающее им, – не совесть, а скорее нечто вроде высшего, утонченного самосознания, которое в сущности не мучит его обвинениями, но лишь поддерживает его душу в вечно бодрствующем беспокойном состоянии, не давая ему забыться и постоянно побуждая метаться в новых бесплодных поисках. Нельзя также вполне применить сюда выражение «безумие»: вечно сменяющееся богатое разнообразие мыслей не допускает его душу застыть в неподвижной бесконечности безумия.

Но бедная Корделия! Не скоро отдохнет ее измученное сердце в безмолвном покое забвения. Тысячи различных, непрерывно сменяющих друг друга чувств волнуют и терзают ее. Вот она готова успокоиться, забыть, простить своему обольстителю все, но вдруг, как молния, сверкает в ее голове мысль, что не он виноват, а она: ведь она сама возвратила ему кольцо, ее гордость требовала нарушения всяких обязательств! Мучительное раскаяние томит ее, минута – и самообвинение сменяется новым обвинением: это он лукаво вдохнул в нее свой план! О, как она ненавидит его, проклинает! И вслед затем она вновь упрекает себя: разве смеет ненавидеть и проклинать она, сама не менее виновная! Страдания Корделии еще увеличиваются сознанием, что это он пробудил в ней тысячеголосое размышление, развил ее эстетически настолько, что она уже не может больше прислушиваться к одному только голосу, но слышит их все сразу, и они наполняют ее слух, звучат в нем самыми разнообразными тонами и переливами и заполняют ее душу. Вспоминая об этом, она забывает весь его грех и вину, она помнит лишь одни прекрасные мгновения, она упоена этими воспоминаниями... В неестественном возбуждении сердца и фантазии она воспроизводит мысленно его внешний образ до того живо, что прозревает и его внутреннее содержание своим, как бы ясновидящим оком. В эти минуты она понимает его в чисто эстетическом смысле, не видя

в нем ни преступного, но и ни безукоризненно честного человека. Этот взгляд сквозит и в ее письме ко мне.

«Иногда, — пишет она, — он жил до такой степени отвлеченной жизнью, что становился как бы бесплотным, и я не существовала для него как женщина. Иногда же он был так необузданно страстен, так полон желаний, что я почти трепетала перед ним. То я становилась будто чужой для него, то он весь отдавался мне. Обвивая его руками, я иногда чувствовала вдруг, что все как-то непонятно изменяется, и — я „обнимаю облако“. Это выражение я знала прежде, чем узнала Йоханнеса, но только он научил меня понимать его тайный смысл. Этого выражения я никогда не забуду, как не забуду и его, — ведь каждая моя мысль дышит им одним. Я всегда любила музыку, — он был чудный инструмент, всегда взволнованный, всегда полный звучания... Но ни один инструмент не обладает таким объемом и богатством звуков, — он вмещал в себя выражение всех чувств, всех настроений. Ничто не казалось ему слишком недостижимым, ни перед чем бы он не отступил. В его голосе звучали то порывы урагана, то едва слышный шелест листьев. Ни одно из моих слов не оставалось не услышанным его чуткой душой, но достигали ли они своей цели — я не знаю, потому что никогда не могла уловить, какое именно действие они производили. Упоенная и очарованная, я жадно внимала этой музыке, вызванной мною и, в то же время, вполне произвольной. Ее дивная гармония бесконечно увлекала мою взволнованную душу!...»

Да, для нее последствия были ужасны! Но еще ужаснее будут они когда-нибудь для него: даже меня, лицо совсем постороннее, охватывает невольный трепет, едва я подумаю об этой драме. Я чувствую себя увлеченным в это царство туманной фантазии, в этот прозрачный мир, где каждую минуту вздрагиваешь, испуганный собственной тенью. Напрасно стараюсь я оторвать свои мысли от этой таинственной истории, — я продолжаю мысленно следовать за ее развитием, как немой, но грозный свидетель. Да, Йоханнес окутал все глубокой, непроницаемой тайной, но возникла новая тайна, о существовании которой он и не подозревает: именно то, что я приподнял таинственную завесу его тайны, хотя и незаконным путем. Не раз я думал заговорить с ним об этом, но к чему? Он или решительно отказался бы от всего, уверяя, что весь дневник — лишь поэтический набросок, плод его собственной фантазии, или взял бы с меня слово молчать, на что имел полное право, ввиду способа, употребленного мною для раскрытия тайны. Ничто не приносит с собой столько соблазна и проклятий, как тайна!

Я получил от Корделии целую пачку его писем; думаю, однако, что в ней были не все: она сама намекнула мне однажды, что уничтожила некоторые. Я снял с них копии и также внес их в дневник. Мне было довольно трудно разместить их в надлежащем порядке, так как они не помечены числами; впрочем, это все равно ничуть не облегчило бы задачи: в самом дневнике, по мере его развития, все реже и реже встречаются указания на день и число. Указания эти становятся как будто лишними, настолько знаменательным делается само содержание дневника; оно, несмотря на свою фактическую подкладку, становится почти идеей. Несколько помогло же мне то, что я еще раньше заметил в разных местах дневника слова, смысл которых оставался для меня неясным до тех пор, пока я не прочел писем. Последние, как я увидел, представляли собой как бы разработку тех вскользь брошенных слов и намеков, которые остановили мое внимание. Благодаря этому обстоятельству затруднения с размещением писем в дневнике исчезли, и я не впал в ошибки, которые иначе были бы неизбежны, поскольку я не знал, как часто следовали эти письма одно за другим. Оказалось, что иногда Корделия получала их по несколько в один день. Я, конечно, разместил бы их более равномерно, ничего не зная о той страстной энергии, с которой Йоханнес пользовался этим, как и всяким вообще средством, чтобы разжигать чувство Корделии, не давая ей опомниться.

В дневнике, кроме подробной истории отношений с Корделией, встречается также несколько маленьких эпизодов эстетического характера, отмеченных на полях; эти эпи-

зоды, не имеющие никакого отношения к главному предмету повествования, объяснили мне, между прочим, смысл любимого выражения моего приятеля, которое я понимал прежде совсем иначе: «Рыбаку нужно на всякий случай забрасывать маленькие удочки и на сторону». В дневниках прежних лет такие, как он сам называет их, *actions in distans* (воздействия на расстоянии – *лат.*) попадались, наверное, чаще, но здесь он признается, что Корделия слишком овладела его воображением, чтобы оставить ему время хорошенько осматриваться кругом.

Вскоре после своего разрыва с Корделией он получил от нее несколько писем, но возвратил их нераспечатанными. Корделия сама распечатала их и передала мне вместе с полученными от него. Она никогда не говорила со мной об их содержании, но, когда разговор касался ее отношения к Йоханнесу, цитировала обыкновенно маленькое стихотворение, принадлежащее, если не ошибаюсь, Гете, имевшее в ее устах каждый раз новое значение, соответствующее душевному настроению в данную минуту.

Gehe,
Verschmahe
Die Treppe, —
Die Rene
Kommt nach.

Убегай,
Презирай,
Любовь губя, —
Раскаянье
Настигнет тебя (*нем.*).

Я думаю, что будет нелишним и вполне уместным поместить здесь и ее письма.

* * *

Йоханнес!

Я не называю тебя «мой Йоханнес», я знаю теперь, что ты никогда не принадлежал мне, и я жестоко наказана за то, что осмелилась когда-то лелеять эту мысль в моем сердце... И все же ты мой – мой обольститель, мой враг, мой убийца, мое горе, мое разочарование, мое отчаяние! Повторяю: ты мой, и я твоя! Твоя! Пусть это слово, прежде ласкавшее твою гордость, прозвучит теперь проклятием над твоей головой, вечным проклятием! Не думай, что я стану преследовать тебя, вооружаться кинжалом, чтобы вызвать твои насмешки, нет, беги куда хочешь – я все-таки твоя, люби сотни других – я твоя, даже в смертный час я останусь твоей! Сам язык моего письма к тебе должен доказать тебе, что я – твоя! Ты осмелился обмануть меня своей любовью так, что стал для меня всем, что я сочла бы счастьем быть даже рабыней твоей – и я остаюсь твоей навеки!

Я твоя, твоя, твое проклятие!

Твоя Корделия.

* * *

Йоханнес!

Был богатый человек, у него было очень много мелкого и крупного скота; была бедная девушка, у нее была лишь одна овечка, которая ела из рук и пила из ее чаши. Ты был богатый

человек, богатый всеми благами жизни; я была бедная девушка, у меня была лишь любовь моя. Ты взял ее, наслаждался ею... Ты принес в жертву своим страстям единственное, чем владела я; сам ты не пожертвовал ничем! Был богатый человек, у него было очень много мелкого и крупного скота; была бедная девушка, у нее было лишь сердце, полное любви!

Твоя Корделия.

* * *

Йоханнес!

Неужели нет надежды? Неужели твоя любовь ко мне никогда не воскреснет? Ведь я знаю, что ты любил меня когда-то, хотя и не знаю, почему я уверена в этом. Буду ждать, как бы медленно ни тянулось время, буду ждать, ждать... Ты устанешь любить других, и твоя любовь ко мне восстанет из своей могилы, вспыхнет прежним огнем! Как буду я любить тебя, боготворить! Как прежде! Йоханнес, неужели это бессердечное, холодное равнодушие и есть твое истинное существо? Неужели твое богатое сердце, твоя пылкая любовь были лишь ложью? Неужели ты играл только роль, а теперь, теперь – вновь стал самим собою?

Йоханнес, прости, что я все еще люблю тебя. Я знаю, что любовь моя для тебя – бремя, но ведь настанет же опять минута, ты вернешься к твоей Корделии, слушай этот молящий призыв твоей Корделии.

Твоя Корделия.

* * *

Если Корделия и не обладала таким богатством внутреннего содержания, каким она восхищалась в Йоханнесе, то во всяком случае ее душевные струны не лишены были чуткой гармонии. Ее разнообразные переливы ясно звучат в каждом письме, хотя в них и недостает до известной степени ясности изложения.

Особенно это заметно во втором из них, где мысль останавливается, так сказать, на полуслове и где есть что-то недосказанное, а сам смысл скорее угадывается, чем понимается. Но это именно и придает ему, по-моему, такой трогательный оттенок.

4 апреля

Осторожнее, моя прелестная незнакомка! Осторожнее! Выходить из кареты не так-то легко, как кажется, часто это бывает очень даже решительным шагом. Я мог бы указать вам в этом случае на новеллу Тика. В ней рассказывается, как одна отважная дама, слезая с лошади, так запуталась в платье и сделала такой шаг, что он решил все ее будущее. К тому же подножки у кареты устроены так скверно, что волей-неволей приходится отказаться от всякой мысли о грации и рискнуть на отчаянный прыжок прямо в объятия кучера или лакея. Славно живет этим господам! Право, я думаю сыскать себе подобное место в доме, где есть молоденькие барышни; лакей ведь так легко иногда становится поверенным этих очаровательных созданий! Однако, ради бога, не прыгайте, умоляю вас, не прыгайте! А! Вот так, так, это лучше всего, спускайте осторожно ваши ножки и не стесняйтесь приподнять платье: теперь уже сумерки, никто не увидит, и я не помешаю вам; я только встану вон под тем фонарем, вы не увидите меня, а стало быть, вам нечего и стесняться. Стесняешься ведь обыкновенно лишь настолько, насколько бываешь видим, а считаешь себя видимым не в большей степени, чем сам это видишь. Итак, ради слуги, который, пожалуй, не в состоянии выдержать сильного прыжка, ради вашего прелестного платья, изящной кружевной накидки, ради меня самого, наконец, пусть ваша маленькая ножка, стройность которой уже успела восхитить меня, выглянет на белый свет. Положитесь на нее, она наверняка сыщет себе опору. Не пугайтесь, если вам покажется, что она скользит, спускайте поскорее и другую, вы ничуть не рискуете. Кто же может быть так жесток, что оставит ее в этом опасном положении? Кто не поспежит полюбоваться таким прекрасным явлением и помочь ей? Или вы боитесь, может быть, кого-нибудь постороннего. Ведь не слуги же и не меня, надеюсь. Я уже видел эту очаровательную ножку, и, так как я в некотором роде естествоиспытатель, то на основании положений Кювье вывел известное заключение. Итак, смелее! Право, страх только увеличивает вашу красоту, т. е., собственно говоря, страх красив вовсе не сам по себе, а лишь в соединении с преодолевающей его энергией. Ну вот! Посмотрите, как твердо стоит теперь эта крошечная ножка! Я уже не раз имел случай заметить, что девушки с маленькими ножками держатся тверже и увереннее, чем большеногие. Вот тебе раз! Кто бы это мог подумать? Казалось бы, опыт создал правило, что гораздо безопаснее выходить из кареты медленно и осторожно, чем выпрыгивать: меньше риска разорвать платье – и вдруг?! Да, оказывается, что молодым девушкам вообще опасно ездить в карете – в конце концов, пожалуй, совсем останешься в ней. Делать нечего, кружева ваши испорчены! Что за беда, впрочем, ведь никто ничего не видел. Правда, у фонаря появляется какая-то темная фигура, укутанная до самого подбородка. Свет падает вам прямо в глаза, и вы не можете угадать, откуда она появилась; она равняется с вами в ту минуту, как вы готовы войти в подъезд. Взгляд, брошенный сбоку, как молния, обжигает вас: вы краснеете, грудь ваша волнуется, дыхание прерывается, в глазах мелькает гнев, гордое презрение, слабая мольба, дрожит слезинка, то и другое я могу отнести к себе. И я еще вдобавок настолько жесток, что... Какой номер этого дома? А-а! Это «Базар модных вещей»!

Может быть, это дерзость с моей стороны, очаровательная незнакомка, но я лишь слеую за моей путеводной звездочкой. Она уже забыла о своем маленьком приключении, и немудрено: в семнадцать лет каждая безделушка так радуется и приковывает внимание. Она не замечает меня, я стою у другого конца прилавка.

На боковой стене висит зеркало; она о нем не думает, но оно-то о ней думает! Оно схватывает ее образ, как преданный и верный раб, схватывающий малейшее изменение в чертах лица своей госпожи. И, как раб, оно может лишь воспринять, но не обнять ее образ. Бедное зеркало! Оно не может даже ревниво затаить в себе этот образ, спрятать его от глаз света, оно

должно выдавать его другим, как вот сейчас мне, например. Что, если бы человек был так создан? Вот была бы мука! А ведь есть на свете люди без всякого внутреннего содержания, живущие лишь заимствованным у других. Эти люди схватывают лишь внешнее впечатление, а не самую сущность предмета, и при первом же дыхании действительной жизни слабый след этот стирается в их душе, как в зеркале образ нашей красавицы, вздумай она хоть одним дыханием открыть ему свое сердце. Что, если бы внутреннее око человека не обладал даром сохранять впечатления? Ведь тогда, пожалуй, пришлось бы всегда держаться в некотором расстоянии от красоты: внешним своим оком человек не может воспринимать того, что слишком близко к нему, что покоится в его объятиях. К счастью, внутреннему оку не нужно удалять от себя любимый образ, чтобы вновь вызвать его перед собою, даже тогда, когда уста сливаются с устами! Но как она прелестна! Несчастное зеркало! Хорошо, что ревность тебе незнакома. Ее личико строго овальной формы; головка слегка наклонена над прилавком, отчего гордый и чистый лоб без малейшей обрисовки умственных органов кажется выше и больше; темные волны волос легко облегают его. Все личико похоже на спелый персик: полно-округленная линия, прозрачная и бархатистая кожа, – бархатистость ее я ощущаю взглядом. Глаза ее... да, ведь я еще не видал их; они прикрыты шелковыми ресницами, слегка загнутыми на концах. Пусть бережется их стрел всякий, кто захочет встретить ее взор! Чистота и невинность этой наклоненной головки делают ее похожей на Мадонну. Но ее взгляд не выражает сосредоточенного созерцания: роскошь и разнообразие рассматриваемых ею вещей бросают свой отблеск на ее лицо, играя на нем всевозможными оттенками. Вот она снимает перчатку, чтобы показать зеркалу – и мне – свою ручку античной формы и снежной белизны. На ней нет никаких украшений, даже гладкого золотого кольца на четвертом пальце – bravo! Она поднимает глаза... Как изменилось ее лицо! И тем не менее оно то же, что и прежде, только лоб стал как будто не так высок, овал лица не так правилен, зато в выражении появилось больше жизни. Она очень живо и весело болтает с приказчиком. Вот она выбрала одну, две, три вещи, берет четвертую, рассматривает ее. А! она опять опустила глаза, спрашивает о цене, осторожно кладет вещь на прилавок и прикрывает ее перчаткой. Это уже пахнет секретом! Подарок кому-нибудь, другу сердца? Но ведь она еще не обручена! Увы! Есть много необрученных и все ж имеющих друзей сердца! Не оставить ли ее в покое? Зачем мешать невинному удовольствию? Барышня собирается платить, но, оказывается, она забыла кошелек! Вот теперь она, вероятно, говорит свой адрес, но я не хочу подслушивать: зачем лишать себя удовольствия нечаянной встречи? Уж когда-нибудь я встречу ее и, конечно, сразу узнаю. Она меня, вероятно, тоже: мой взгляд не скоро забудешь. А может быть, я и сам буду застигнут врасплох этой встречей. Ничего, потом наступит ее очередь! Если же она не узнает меня – я сразу замечу это и найду случай опять обжечь ее таким же взглядом, тогда ручаюсь, что вспомнит! Только больше терпения, не надо жадничать – наслаждение следует глотать по капелькам. Красавица отмечена и не уйдет.

5 апреля

Вот это мне нравится! Одна, вечером на Эстергаде! Не беспокойтесь, впрочем, я не такого дурного мнения о вас и совсем не думаю, что вы пустились гулять одна-одинешенька. Да и не настолько я неопытен, чтобы при обозрении поля действия мне сразу не бросилась в глаза эта солидная фигура в темной ливрее, так важно шагающая в некотором отдалении от вас. Но зачем же вы так спешите? Разумеется, не затем, чтобы вернуться домой поскорее; вернее, что этот усиленный темп сердца и ножек происходит от нетерпеливого волнения и какого-то сладкого трепета, охватывающего вас. Ах, как приятно гулять так одной, с лакеем позади! Да, нам шестнадцать лет, мы довольно начитаны... романами. Случайно проходя мимо комнаты братьев, мы поймали заманчивое словечко об Эстергаде. Потом мы шмыгнули несколько раз уже нарочно, чтобы узнать побольше, – не удалось! А ведь надо же в самом деле такой большой, совсем взрослой девушке набраться более обстоятельных сведений о том, что делается на белом свете! Вот если бы уйти из дома одной, без этого лакея позади! Куда? Что скажут папаша с мамашей? Хотя бы уж с лакеем! Да и то, какой предлог придумать для такой прогулки? Так трудно сообразиться со временем! Когда идешь в гости – это чересчур рано, ведь товарищ брата Августа сказал, что всего интереснее бывает часов в десять, одиннадцать... Когда же возвращаешься назад – поздно, да еще всегда навяжут тебе в провожатые какого-нибудь кавалера! Вот в четверг вечером, когда едешь из театра, было бы очень удобно, но опять беда: сидишь в карете с тетей и полдюжиной кузин! Вот если бы ехать одной, тогда стоит только спустить стекло – и любуйся сколько хочешь. Но *ounverhofft kommt oft* (чего не чаешь – то получаешь – *нем.*). Сегодня мама сказала: «Ты, наверное, не завершишь своего подарка к рождению папы, ступай-ка к тете, там тебе никто не помешает работать. Оставайся там пить чай, а после я пришлю за тобой Ганса». Собственно говоря, проскучать целый вечер у тети не особенно приятная перспектива, но зато оттуда пойдешь одна, только с лакеем! Он придет немного рано, и ему придется подождать; не раньше десяти часов, тогда – марш! Вот забавно было бы встретить теперь милейшего братца или господина Августа! Нет, лучше не надо! Пожалуй, вздумали бы еще провожать, благодарю покорно! Вот если б так случилось, что я бы их видела, а они меня нет! Теперь вы озираетесь кругом, моя маленькая плутовка. А что вы видите, позвольте спросить, или что вижу я, по-вашему? Во-первых, я вижу на вашей головке маленькую шапочку, которая идет вам как нельзя больше, она вполне гармонирует с вашей шаловливой резвостью. Это, в сущности, не шляпка, а что-то вроде капора. Но вы ведь, разумеется, не надели его утром, отправляясь к тете. Вероятно, его принес с собой лакей или одолжила тетя? А может быть, мы тут инкогнито? Вы очень предусмотрительно приподняли свою вуаль, иначе ведь немного сделаешь наблюдений. Впрочем, в темноте трудно решить: вуаль это или просто широкая блонда, во всяком случае, она прикрывает лишь верхнюю часть лица. Гм! Посмотрим хорошенько. Подбородок очень изящный, немного острый, ротик маленький, полуоткрытый, это – от ускоренной ходьбы. Зубки белые и блестящи, как жемчужины. Так и следует: зубы – предмет первостепенной важности. Это «*sauve garde*» (телохранитель – *фр.*), укрывающийся за соблазнительной мягкостью пунцовых губок. На щеках цветут розы. И – да, мы недурны! А что, если я слегка наклоню голову и загляну под вуаль: берегись, дитя мое, такой взгляд, брошенный снизу, опаснее, чем «*gerade aus*» в фехтовании (а какое же оружие может блеснуть так внезапно и затем пронзить насквозь, как глаз), – маркируешь, как говорится, *in quarto*, и выпадаешь *in secondo*. Славная это минута! Противник, затаив дыхание, ждет удара... Раз! он нанесен, но совсем не туда, где его ожидали! А она продолжает себе шагать вперед без страха и упрека! Но берегитесь! Вот там идет кто-то, опустите скорее вуаль, не давайте его профанирующему взгляду осквернить вас, вы себе представить не можете, что

могло бы из этого выйти, вы долго бы, пожалуй, не забыли неприятного содрогания, которое невольно почувствовали бы при этом взгляде. Но вы ничего не замечаете, а он уже наметил план действий. Лакей избран ближайшей жертвой. Трах! Ну вот вам и гуляйте вперед одна с лакеем! Лакей ваш упал. Положим, это смешно, но все-таки, что же вам делать теперь? Вернуться, помочь ему – нельзя; идти с запачканным лакеем – и неприятно, и неловко; идти одной – как-то странно. Теперь остерегайтесь – минута наступает, чудовище приближается к вам. Вы не отвечаете мне? Полноте, посмотрите же на меня, разве моя наружность внушает вам какое-либо опасение? Кажется, она не из таких, которые могут произвести особенное впечатление; на вид я добродушнейший человек в мире, не имеющий ничего общего с уличными героями. Ни одного неосторожного слова о неприятном приключении, ни одного резкого неделикатного движения. Но вы все еще немного испуганы, вы еще не забыли, как внезапно появилась подле вас эта таинственная фигура. Но вот мало-помалу вы начинаете немножко располагаться в мою пользу: моя неловкость и застенчивость, мешающая мне даже взглянуть на вас, дают вам некоторый перевес надо мной. Это радует и успокаивает вас. Пожалуй, вы не прочь даже слегка позабавиться моим смущением. Я готов пари держать, что вы взяли бы меня под руку, если бы догадались только. А, так вы живете здесь, в Стормгаде? Вы прощаетесь со мной коротким, церемонным поклоном. Разве только такую благодарность заслужил я за свою рыцарскую услугу? Но вы раскаялись, вернулись, подайте мне руку. Что же? Вы побледнели? Разве мой тон не по-прежнему почтителен, осанка не так же прилична, взгляд не довольно скромно? А-а! пожатие руки? Да разве оно может что-нибудь означать? А как вы думаете? Даже очень много, моя милая! Не пройдет и двух недель, как я буду иметь честь объяснить вам это, а до тех пор оставайтесь в недоумении. Да, я, добродушнейший на вид господин, так вежливо и скромно проводивший барышню до дома, могу пожать ей руку далеко не добродушным образом!

7 апреля

Итак, в понедельник, в час дня, на выставке. Прекрасно! Будем иметь честь явиться к часу без четверти. Маленькое свидание. В субботу я узнал, что мой старый приятель Адольф Брун, бывший очень долго в отсутствии, наконец, вернулся. Мне сказали, что он живет теперь в Вестергаде, дом такой-то, и я немедленно отправился его отыскивать. Я обшарил весь дом, взбирался по лестницам во все этажи, но его сыскать не удалось. Наконец, потеряв всякую надежду, я уже намеревался спуститься вниз, как вдруг слух мой был приятно поражен тихим мелодичным женским голосом: «Итак, в понедельник, в час дня, на выставке; в это время как раз никого не будет дома, и я могу уйти». Разумеется, приглашение это относилось не ко мне, а к молодому человеку, который – раз, два, три – и выскочил за дверь так быстро, что не только ноги, но и глаза мои не могли догнать его. Ну, домик! Нечего сказать! Хоть бы газ горел на лестнице – я бы, по крайней мере, мог увидеть, стоит ли быть таким аккуратным! Впрочем, будь здесь газ, я бы, пожалуй, ничего не услышал. Все существующее разумно; я был и буду оптимистом!

Однако, как же я ее узнаю? На выставке ведь тысячи молоденьких девушек. Сяду тут в первой комнате, напротив входа. Теперь ровно три четверти первого. Таинственная героиня! Желаю вам, чтобы ваш избранник был во всех отношениях так же аккуратен, как ваш покорный слуга. Впрочем, может быть, вы сами не пожелали бы этого: ведь он, пожалуй, мог бы попасть иногда в не совсем урочный час? Как вам угодно, я ничего против этого не имею. Очаровательная волшебница, фея или ведьма, – пусть рассеется туман твоих чар! Ты, верно, уже здесь, но пока еще невидима для меня. Явись же мне, откройся сама, иначе какое чудо может мне указать тебя? А может статься, тут не она одна. Кто знает, сколько еще девушек забрались сюда с таким же прекрасным намерением? Намерения человека вообще трудно предвидеть, даже когда он идет на выставку! Вот у дверей появляется молодая девушка. Господи, как она стремительно бежит! Точно дурная совесть за грешником! Она забывает даже вручить входной билет. Контролер останавливает ее. И что у нее за спешка? Это, наверное, она! К чему такая неумеренная горячность? Ведь еще рано. Подумайте: вас ожидает свидание с любимым человеком, разве не нужно в таком случае обратить внимание на свою наружность? Увы! Готовясь к «свиданию», такие молоденькие пылкие девушки всегда порют горячку. Она совсем растерялась. А я себе преспокойно восседаю на кресле и любуюсь чудным деревенским видом. Экий бесенок! Так и летит через все комнаты. Не мешало бы хоть немного сдержать свои страстные порывы.

Ну прилично ли молодой девушке так спешить на свидание? Впрочем, наше свидание из невинных. Вообще, по мнению влюбленных, свидание – самая прекрасная минута. Мне самому так ярко и живо, как будто все случилось только вчера, припоминается, с какими чувствами я мчался впервые на условленное место. Сладкое нетерпение и ожидание не изведенного еще блаженства волновали сердце. Я подал сигнал – распахнулось окно, открылась невидимой рукой девушки калитка, и я впервые укрыл возлюбленную моим плащом в светлую лунную ночь! Но во всем этом играет, конечно, большую роль иллюзия. Посторонний же наблюдатель не всегда найдет, что влюбленные представляют в эту минуту приятное зрелище. Я сам не раз бывал свидетелем таких свиданий, когда девушка очень мила, мужчина красив – и все-таки получается крайне неприятное впечатление; сами-то влюбленные, впрочем, находили, вероятно, свое свидание прекрасным. Нет, вот когда приобретешь некоторую опытность в делах подобного рода, тогда действительно дело пойдет куда лучше: хотя сладкий трепет нетерпеливого желания и будет уже утрачен, зато сумеешь сделать минуту действительно прекрасной. Мне всегда ужасно досадно видеть мужчину, которого во время свидания трясет лихорадка любви. Ну что смыслит мужик в ананасах? Вместо того чтобы

вполне хладнокровно наслаждаться ее волнением, любоваться, как оно вспыхивает на ее лице и увеличивает ее красоту, он сам путается в каком-то неловком замешательстве и, вернувшись домой, воображает, что это было нечто восхитительное. Да где же он застрял, наконец, черт бы его побрал! Ведь уж второй час! Нечего сказать, милый народец эти избранники сердца! Экий негодяй, заставляет такую прелестную девушку дожидаться! В таком случае, я куда надежнее! Теперь, пожалуй, как раз время заговорить с ней – она уже в пятый раз проходит мимо меня. «Извините, пожалуйста, *mademoiselle*, но вы, вероятно, ищите здесь своих знакомых? Вы уже несколько раз прошли мимо меня, но я заметил, что вы постоянно останавливались в предпоследней комнате. Вы, вероятно, не знаете, что там есть еще одна? Может быть, там вы найдете, кого ищите?» Она очень мило кланяется мне. Случай положительно мне благоприятствует. В мутной воде рыбка ловится лучше всего: когда девушка взволнована, можно рискнуть на многое и с успехом. Я отвечаю на ее поклон возможно вежливее и скромнее и продолжаю сидеть, любуясь своим видом, но не выпуская из виду и ее. Следовать за ней сейчас же было бы опрометчиво. Она могла бы счесть это за навязчивость, и тогда – пиши пропало! Теперь же я на хорошем счету, мое вежливое внимание наверное подействовало на нее. Пусть прогуляется в последнюю комнату, там нет никого, это я отлично знаю. Уединение будет для нее кстати – среди шумной толпы она чересчур волнуется, а оставшись одна, успокоится. Спустя некоторое время я зайду туда, *en passant*. Я имею право заговорить с ней еще раз: она у меня в долгу, за ней еще «спасибо». Она сидит. Бедняжка! Какая она грустная, на ресницах дрожат слезинки. Заставить девушку плакать! Возмутительно! Но будь спокойна, я отомщу за тебя; он узнает, что значит заставлять себя ждать. Какая она хорошенькая теперь, когда встречные ветры сомнения и надежды улеглись в ее взволнованной душе. Она притихла. Все существо ее дышит тихой грустью. Прелестное дитя! Она было надела дорожное платье, отправляясь в поиски радости, и вот это платье служит теперь символом печали – радость скрылась от нее! Она как будто навеки простилась с любимым человеком. Бог с ним! Все идет прекрасно, минута самая подходящая. Я сделаю вид, будто предполагаю, что она искала своих родных или знакомых. Надо, чтобы каждое слово дышало теплым участием и гармонировало с ее настроением – так мне удастся вкратце к ней в доверие. Ах, черт его побери! Он тут как тут! Экий увалень! Я только что подготовил почву, как следует. Ну, кое-что я все-таки извлеку из всего этого! Мне ведь нужно было лишь слегка коснуться сферы их отношений, потом уж я сумею пробраться в середину и занять там свое место. Встретясь со мной впоследствии, она невольно улыбнется – как же, ведь я вообразил, что она искала своих знакомых, тогда как... Улыбка эта делает меня в некотором роде участником ее тайны, а этим нельзя пренебречь. Спасибо, дитя мое, улыбка твоя для меня дороже, чем ты думаешь: она уже начало, а начало труднее всего. Теперь мы немного знакомы, и знакомство это основано на пикантной встрече. С меня довольно пока! Вы не останетесь здесь больше часу, а часа через два я буду знать, кто вы, иначе для чего же существуют домовые книги?

9 апреля

Разве я ослеп? Внутреннее око души моей потеряло свою силу? Я видел ее, образ ее сверкнул передо мной, как метеор, и исчез. Все силы души моей сомкнулись в страстном напряжении, но они бессильны вновь вызвать этот дивный образ. Если когда-нибудь я встречу ее – мой глаз найдет ее и среди тысяч! Но теперь она исчезла и мой внутренний взор напрасно стремится догнать ее своим пламенным желанием. Я гулял по Langelinie, не обращая ни малейшего внимания на окружающее, но мой зоркий глаз не пропускал ничего. Вдруг взор мой упал на нее. Он впился в нее, остановился неподвижно, не повинуюсь больше воле своего господина. Напрасно хотел я заставить его рассмотреть чудное явление, он смотрел и – не видел ничего. Как фехтовальщик, бросившийся вперед с поднятым оружием и оказавшийся в этом положении, взор мой замер на одной точке. Я не мог ни опустить, ни поднять, ни обратить его вовнутрь, я не видел ничего потому, что слишком пристально смотрел. Единственное воспоминание, унесенное моим взором, – ее голубая накидка; вот что называется «поймать облако вместо Юноны». Она ускользнула от меня, как Иосиф от жены Потифара, оставляя мне лишь накидку! С ней шла какая-то старуха, вероятно мать. Эту старуху я могу описать с головы до пят, хотя вовсе не смотрел на нее, а лишь случайно скользнул по ней взглядом. Так всегда бывает: девушка произвела на меня сильное впечатление – и я забыл ее; старуха ни малейшего – ее я помню.

11 апреля

Душа моя все бьется в той же путанице противоречий. Я хорошо знаю, что я видел, но знаю также, что я забыл виденное. Остаток воспоминания не служит для меня отрадой, а лишь воспламеняет жгучую боль желания. Мое сердце, моя душа требуют этого образа, требуют с таким необузданно-страстным порывом, точно вся моя жизнь поставлена тут на карту. Но он не является! Я готов вырвать свои глаза за их забывчивость! Лишь в те минуты, когда в обессиленной страстным возбуждением душе воцаряется, наконец, тишина – воспоминание и воображение набрасывают мне какие-то едва уловимые очертания, но они не воплощаются в образ. Они бледнеют и расплываются, едва я захочу перенести их на фон действительности. Они, как узор тончайшей ткани, более светлый, чем фон, невидимы отдельно – для этого они слишком эфирны и светлы. Странное вообще душевное состояние я переживаю, но в то же время и приятное: оно приятно и само по себе, и потому, что дает мне радостную уверенность в том, что я еще сохранил свежесть и молодость души и сердца. В последнем меня убеждает также и то, что я всегда ищу свою добычу среди молодых девушек, а не женщин. В замужней женщине меньше естественной непосредственности, больше кокетства; отношения к ней ни прекрасны, ни интересны, а лишь пикантны. Пикантность же, как известно, всегда – последний ресурс. Да, не думал я, что вновь буду переживать первую любовь девственно-нетронутого сердца, вновь утопать в море сладких восторгов и поэтических грез этой любви! Да, я, как говорят пловцы, получил «старика». Тем лучше, тем больше обещают мне наши будущие отношения!

14 апреля

Едва узнаю себя. В моей взволнованной, как море, душе бушует буря страсти. Если бы кто-нибудь мог видеть мое сердце, взлетевшее, как легкий челнок, на самую вершину водяного хребта и готовое низвергнуться с нее в бездну, то подумал бы: еще минута, и пучина поглотит его. Но он не увидит, что на самом верху мачты сидит одинокий матрос на вахте. Бушуйте же, дикие силы, вздымайтесь мощные волны страсти, бросайте пену к облакам – вы не в силах сомкнуться над моей головой! Я сижу гордо и спокойно, как горный дух на вздыбленной скале! Я не могу найти точки опоры в моей душе, как чайка, вьющаяся над пенящейся поверхностью моря. Но такое волнение – моя стихия, я создаю на ней свои планы, как *Alcedo ispida* вьет гнездо на волнах морских. Индейские петухи взъерошиваются при виде красного цвета, я – при виде голубого. Но глаза мои часто вводят меня в горький обман: надежды терпят иногда крушение на голубом мундире жандарма.

20 апреля

Надо обладать терпением и покоряться обстоятельствам – это главные условия успеха в погоне за наслаждением. По всей вероятности, я не скоро добьюсь свидания с девушкой, наполняющей все мои помыслы до такой степени, что тоска о ней не ослабевает со временем, а находит себе все новую и новую пищу. Буду тихо и спокойно выжидать. Чувство такого смутно-неопределенного, но сильного волнения не лишено своего рода очарования. Я всегда любил в тихую лунную ночь лежать в лодке на одном из наших чудных озер. Спустишь паруса, сложишь весла, снимешь руль, ложишься во всю длину на дно лодки и устремляешь взор в необъятную синеву неба. Волны слегка качают лодку на груди своей, быстро несутся облака, гонимые ветром, серебристая луна то исчезает за ними на мгновение, то выплывает вновь, мир и тишина воцаряются в моей душе. Волны баюкают меня; плеск их – монотонная колыбельная песня; быстрый полет облаков, игра света и тени уносят меня далеко от действительного мира, и я грежу наяву. Так и теперь: сяду я в челнок ожидания, спущу паруса, сложу весла, тоска и нетерпеливое ожидание будут качать меня все тише и тише и убаюкают, как дитя. Надо мной необъятный свод неба – надежды, ее образ проносится перед моим взором, как поминутно исчезающий образ луны. Какое наслаждение колыхаться на легкой зыби озера, какое наслаждение нежиться так в самом себе!

21 апреля

Дни проходят, а я все так же не близок к цели! Никогда еще молодые девушки не манили меня так, как теперь, и тем не менее я не увлекаюсь ими. Я ищу повсюду ее! Ее одну я ищу! Мои глаза застланы туманом для всякой другой красоты, я потерял верность оценки, жажда наслаждений угасла в моем сердце!

А ведь скоро уже закипит уличная жизнь, оживятся сады и бульвары – наступит то прекрасное счастливое время года, когда я обыкновенно спешу заручиться маленькими залогом побед для будущего или, выражаясь аллегорически, приобрести маленькие векселя на прекрасных барышень. Зимой, в обществе, они дорого расплачиваются по ним. Молодая девушка может забыть многое, но только не интересное приключение на прогулке! Положим, встречаться с прекрасным полом приходится и в салонах, но это не совсем удобная арена для завязки известных отношений. В обществе девушка является во всеоружии: все ей здесь знакомо, привычно, сама сфера отношений так узка, стара, избита, что трудно рассчитывать на какое-нибудь сильное, волнующее впечатление. На улице же она – в открытом море; неожиданность придает всякому приключению какой-то особый загадочный смысл, и впечатление усиливается. Я дам сто золотых за одну улыбку девушки при уличной встрече и не дам десяти за пожатие ей руки в обществе! Это – две совершенно различные ценности. Раз же уличная завязка удалась – остается только отыскать кого нужно в обществе, и тут-то начинается настоящее! Между мной и имярек существует уже некоторая таинственная связь, и это действует на девушку самым возбуждающим образом. Она чувствует эту связь тем сильнее, что не смеет заговорить о нашей встрече! Она теряется в догадках: забыл ли я сам о ней или еще помню. Словом, она волнуется, а вы искусственно поддерживаете в ней это волнение, вводя ее в заблуждение различными маневрами. Но в это лето мне вряд ли удастся обеспечить себя векселями – моя таинственная красавица, исчезнувшая как сон, совсем овладела моим воображением. Ну, что ж: пусть сбор мой будет беден – в известном смысле у меня в перспективе главный выигрыш!

5 мая

Проклятый случай! Никогда еще не приходилось мне проклинать тебя за то, что ты явился, – проклинаю тебя теперь за то, что ты совсем не являешься! Что это, новая проделка с твоей стороны, непостижимое явление, бесплодная мать всего, единственное воспоминание, дошедшее от того времени, когда необходимость породила свободу действий, а свобода позволила обмануть себя и вновь упрятать в чрево матери?

Проклятый случай! Ведь ты мой единственный друг, единственное, что я считаю достойным быть моим союзником или врагом: ты всегда остаешься верным самому себе в своей капризной изменчивости, всегда одинаково непостижим, всегда загадочен. Я воплотил твой образ в себе, зачем же ты не являешься своему живому воплощению?

Я не прошу у тебя милостыни, не умоляю смиренно – такое идолопоклонство недостойно меня и неумогно тебе, нет, я вызываю тебя на борьбу: зачем ты не являешься? Разве вечно движущийся принцип мира остановился? Разве загадка твоя решена, и ты канул в вечность?

Ужасная мысль! Значит, вся жизнь остановилась от скуки! Нет, я жду тебя, жду, проклятый случай! Я не хочу победить тебя принципами, или, как выражаются эти жалкие люди, характером – нет, я хочу поэтически воссоздать тебя! Я не хочу быть поэтом для других, но явись ты – и я создам целую поэму, и сам же поглощу ее, она насытит мой голод. Ты должен явиться! Или ты считаешь меня недостойным? Как баядерка кружится в сладострастной пляске в честь божества, так я всецело посвятил себя твоему служению! Как ты, легкий, гибкий, ничем не вооруженный, я отказываюсь от всего, у меня нет ничего, я не хочу владеть ничем, ничего не люблю, мне нечего терять – что ж, разве я не достоин тебя? Ведь не может же быть, чтобы тебе не надоело еще отнимать у людей желаемое, не надоели их трусливые вздохи и мольбы? Я не хочу никаких предупреждений – явись неожиданно, застань врасплох, я готов! Не надо никакой ставки, будем бороться из чести! Покажи мне только ее, дай возможность приблизиться к ней! Пусть возможность эта будет почти невозможной, пусть она явится мне в тених преисподней – я достану ее; пусть она ненавидит меня, презирает, пусть будет ко мне равнодушна, любит другого – я не боюсь ничего! Но взволнуй же эту стоячую воду, прерви молчание! Это просто низко с твоей стороны морить меня голодом – ведь все-таки ты воображаешь, что сильнее меня!

6 мая

Настала весна, все распускается, цветет, и молодые девушки тоже. Пальто и накидки сброшены, наверно, сброшена и моя голубая! Я так и не видал ее больше. Да, вот что значит встретить девушку на улице, а не в обществе, где сейчас же узнаешь, кто она, где живет, как зовут и не помолвлена ли она. Последнее свидание имеет огромную важность в глазах всех смиренных и прямолинейных женихов. Сохрани Боже влюбиться в невесту другого! Такой смиренник потерял бы голову, будь он на моем месте. Но что случилось бы с ним, если бы его напряженные поиски увенчались наконец успехом, с придачей ошеломляющей новости: она – невеста! Мне же до этого мало горя: жених, на мой взгляд, лишь комическое препятствие, а я не боюсь ни комических, ни трагических и избегаю лишь скучных.

До сих пор, однако, я не добился ни малейшего сведения о ней, хотя и перепробовал все средства. Не раз при этом вспоминались мне глубоко правдивые слова поэта.

* * *

Может быть, она вовсе и не живет здесь в городе, может быть, она из окрестностей, может быть, может быть. Я готов с ума сойти от всех этих «может быть», но чем больше я беснуюсь, тем больше их является. Напрасно я постоянно ношу с собой деньги на случай внезапной поездки, напрасно ищу ее на балах, на гуляньях, в театрах, концертах. Положим, неудачи эти отчасти даже радуют меня: девушку, чересчур занятую подобными развлечениями, не стоит и завоевывать: в большинстве случаев ей недостает врожденной естественности, а последняя всегда была и будет для меня *conditio sine qua non*. Прециозы не так редки среди цыган, как на светском базаре, где продают себя молодые девушки, конечно, сами того не сознавая.

12 мая

Дитя мое, зачем вы не оставались спокойно под воротами?

Решительно нет ничего дурного, если молодая девушка укроется от дождя под воротами. Я и сам всегда делаю так, если у меня нет с собой зонтика, — иногда, впрочем, если и есть, как вот теперь, например. Кроме того, я могу назвать вам многих очень и очень почтенных и солидных дам, которые ничуть не поколебались бы сделать на вашем месте тоже самое; и в самом деле, что тут дурного? Становишься под воротами совершенно спокойно, спиной к улице, прохожие не могут даже знать, стоишь ли ты или собираешься войти в дом. Но крайне неосторожно спрятаться под воротами, наполовину отворенными; это, как вы увидите, не проходит даром! Согласитесь сами, что, чем больше стараешься спрятаться, тем неприятнее, если тебя откроют в твоём убежище. Нет, если вы действительно хотите спрятаться от дождя, то следует стоять смирно, отдавшись под защиту своего доброго гения и всех ангелов-хранителей. Особенно же ни под каким видом не следует выглядывать из ворот — смотреть дождик! Если же непременно хотите, то нужно сделать твердый, решительный шаг за ворота и серьезно посмотреть на небо. А если вы этак полулюбопытно, полузастенчиво слегка высовываете голову и затем быстро прячете ее назад, то всякий ребенок скажет вам, что вы играете в прятки! И я, вообще всегда готовый откликнуться, разве я могу в таком случае удержаться и не отозваться на этот призыв? Бога ради, не думайте, что я дурного мнения о вас, нет, я отлично знаю, что ваше любопытство совершенно невинное, но прошу вас, в свою очередь, не оскорблять и меня, думая обо мне дурно, — этого не потерпит мое доброе имя! Кроме того, вы подали повод, и я серьезно советую вам никому не рассказывать об этом маленьком приключении; вина на вашей стороне. А я? Что же дурного намереваюсь я сделать? Ничего, кроме того, что обязан сделать на моем месте всякий вежливый кавалер — предложить вам свой зонт! Куда же она делась? Недурно! Она спряталась в дверь привратника! Экая славная шалунья! Может быть, я могу получить здесь свидание с некой молодой особой, которая только что выглядывала тут из ворот, вероятно, нуждаясь в зонтике? Я и мой зонт к ее услугам! Вы смеетесь? Может быть вы позволите прислать за ним моего лакея? Не прикажете ли достать вам экипаж? Не стоит благодарности — это лишь долг вежливости. Давно не видал я такой веселенькой девушки! Взгляд ее так детски открыт и смел, манеры непринужденны, но вполне приличны. А любопытна-таки! Ступай с миром, дитя! Да, не замешайся тут голубая накидка, я, пожалуй, не прочь был бы познакомиться поближе! Вон она заворачивает за угол. Какое невинное, доверчивое создание! Ни капельки жеманства, идет себе так легко, свободно, так бойко вскидывает головку — гм, голубая накидка требует-таки самоотвержения!

15 мая

Спасибо, добрый случай, спасибо! Я видел ее! Она стройна, как горная сосна, высоко поднимающая от земли свой одинокий ствол! Все ее существо – один гордый взмах мысли к небу, загадочный для других и для нее самой, таинственное целое, не имеющее отдельных частей! Бук увенчан густой, зеленой шапкой, листья его шепчутся между собой и рассказывают о том, что происходит в их тени, – у сосны же нет шапки, нет рассказов, она сама для себя загадка. Такова и она. Она была полна какой-то тихой грусти, тихой, как воркование лесного голубя, глубокой, смутной тоски о чем-то неизвестном, неизведанном. Она скрывала загадку и разгадку ее в себе самой, скрывала в себе тайну, перед которой ничто все тайны дипломатии, узел таинственно сплетающихся, загадочных чувств и дум. Что в мире прекраснее слова, которое развяжет его? И как характерно самое выражение «развязать», какой глубокий двойной смысл кроется в нем! Богатство души – таинственный узел, пока не развяжет его язык, тогда и загадка решена; молодая девушка в этом смысле тоже загадка. Спасибо, добрый случай, спасибо! Если бы мне пришлось увидеть ее зимой, она, пожалуй, была бы закутана в свою голубую накидку, суровость природы наложила бы свою печать на ее лицо, омрачив его красоту.

Теперь же – какое счастье! – я увидел ее весной, при свете заходящего солнца. Зима имеет, впрочем, свои преимущества. Залитая огнями бальная зала – блестящий фон для молодой девушки в бальном наряде; но в большинстве случаев она все-таки теряет здесь часть своей прелести, именно потому, что все как будто заставляет ее быть прелестной. Во всей обстановке чувствуется нечто театральное, и это вызывает досадное чувство, мешающее полному наслаждению. В другое время и я не откажусь от бальной залы с ее дорогой роскошью, блеском молодости и красоты и разнообразной игрой впечатлений – хотя тут и нет места для наслаждения, в строгом смысле этого слова, зато мысль положительно утопает в возможности наслаждений. Тут не пленит тебя одна отдельная красота, но общая гармония ее проносится перед тобой, как в волшебном сновидении: все эти прекрасные женские существа сплетаются в самые причудливые хоромы, скользят, движутся, ищут чего-то, хотят воплотиться в одну воздушную, призрачную картину.

Я встретил ее за городом, в аллее, между Северными и Восточными воротами, около семи часов вечера. Солнце уже погасло, оставляя на ландшафте слабый, как воспоминание, мягкий отблеск своих лучей. Природа дышала свободнее; зеркальная поверхность озера была неподвижна. Хорошенькие домики набережной купали свои изображения в темной, как свинец, воде. Синее небо было ясно и чисто, лишь изредка по нему скользили маленькие, легкие облачка, отражавшиеся в озере. В воздухе царила тишина, ни один листочек не колыхался. И – я увидел ее! На этот раз взор мой не обманул меня, как не раз обманывала меня голубая накидка. Я давно старался подготовить себя к внезапной встрече, и все-таки от волнения у меня почти захватило дыхание, сердце то стучало, словно у самого уха, то вдруг совсем замирало, как то близкая, то далекая, едва слышная песня жаворонка, то спускающегося, то вновь поднимающегося над окрестными полями. Она была одна. Я опять забыл, как она была одета, но образ ее ярко запечатлелся в моей памяти. Она была одна и погружена в самое себя, но занята, очевидно, не собой, а своими мыслями. Особенно серьезной умственной работы ее черты не выражали, но тихое брожение мысли ткало в ее душе туманную картину желаний, смутных и необъяснимых, как и вздохи молодой девушки. Она была в самой цветущей прекрасной поре жизни. Молодая девушка вообще развивается не так, как юноша: он вырастает в мужчину, она перерождается в женщину. Юноша развивается постепенно и очень медленно; жизнь девушки со дня рождения ни что иное, как подготовка к перерождению в женщину, и перерождение это совершается мгновенно, когда она

выходит замуж. Только с этой минуты она становится цельным, законченным творением, перестает готовиться к перерождению – она наконец возрождена! Да, не только Минерва выскакивает из лба Юпитера вполне сформированной или Венера выходит из пены морской во всей полноте своей чарующей красоты – то же бывает и с каждой женщиной, если ее женственность не уничтожена так называемым «развитием». Она пробуждается сразу, но до этого грезит долго, если только заботливые добрые люди не разбудят ее слишком рано. А девические грезы – бесконечное богатство! Она не была занята собою, но погружена в самое себя; это был безмятежный покой в самой себе, в нем таилось богатство ее души. Мужчина, сумеющий обнять мыслью это богатое содержание, обогатится сам и обогатит свое сердце, свой ум. Но молодая девушка богата бессознательно, и она не сознает сокровищ, скрытых в ней, и чувствует в своей душе лишь мир и покой, смешанные со смутной грустью. Она была так воздушно стройна, что, казалось, одним взором можно было отделить ее от земли; она как будто сама носилась по воздуху, легче Психеи, носимой зephyрами. Сама она не замечала ничего и поэтому считала и себя не замеченной никем, тем более, что я держался в отдалении, хотя и не спускал с нее жадного взора. Она шла тихо; ее медленная походка вполне гармонировала с тишиной окружающей природы. На берегу озера сидел мальчик с удочкой. Она остановилась около него, любясь зеркальной поверхностью озера, свежесть и прохлада которого манили ее. Она развязала маленькую шейную косынку, и свежий ветерок целовал ее полную, белую как снег, но горячую грудь. Мальчик, должно быть, не особенно остался доволен этой непрошенной свидетельницей его ловли – обернулся и уставился на нее своим флегматично-обиженным взглядом. Фигура его была так комична, что она не удержалась и залилась веселым смехом. Смех ее был так детски свеж и задорно-звонок, что, мне кажется, не будь здесь никого, она, пожалуй, не прочь бы пошалить и даже побороться с мальчиком, как ребенок. Глаза у нее большие, темные и лучистые, взор тонул в их бесконечной загадочной глубине. Взгляд этих чудных глаз был чист и полон мягкого спокойствия, но смех зажигал в нем лукавый блеск. Нос с легким горбиком как-то незаметно сливался с белым высоким лбом, что и уменьшало его, и придавало более смелый характер. Она пошла дальше, я следовал за ней. К счастью, гуляющих встречалось много, и я, обмениваясь несколькими словами то с тем, то с другим знакомым, давал ей иногда уходить далеко вперед, потом нагонял ее, опять отставал – стараясь не возбудить ее подозрений медленным и ровным преследованием. Она направлялась к Восточным воротам. Мне захотелось рассмотреть ее вблизи незаметно для нее самой, и я моментально составил план действий. В конце аллеи, на углу, стоял домик, мимо окон которого она должна была пройти. Я был знаком с хозяевами домика, и мне стоило только сделать им визит. Я быстро обогнал девушку, не обращая на нее ни малейшего внимания, и оставил ее далеко позади. Вбежав в дом и наскоро раскланявшись с членами семейства и гостями, я поспешил занять наблюдательный пост у окна.

Она медленно приближалась. Я жадно смотрел на нее, смотрел, а сам беззаботно болтал с окружающими. Ее походка показывала, что она не проходила полного курса светских манер и танцев; шла она просто и непринужденно, но в то же время в ее движениях сказывалась некоторая гордость и врожденное достоинство, смешанные с долей небрежности. Из окна была видна небольшая часть аллеи, и девушка должна была уже скрыться с моего горизонта, как вдруг, к великому моему изумлению, она свернула на мост, перекинутый через озеро как раз против окна! Что это? Она живет за городом?! И я начал уже горько раскаиваться в своем визите: вот она сейчас исчезнет из виду, а я сижу тут. Она уже приблизилась к концу моста и вдруг повернула назад. Вот она опять проходит мимо окон, я впопыхах хватаю шляпу, перчатки. Мысленно я уже на улице, догоняю ее, обгоняю, отстаю, опять догоняю и наконец открываю, где она живет. Ах! Я толкнул руку дамы, державшей поднос с чаем! О ужас! Поднялся страшный крик, я стою ошеломленный со шляпой в руках, сгорая лишь одним желанием – удрать поскорее! Я стараюсь, однако, придать делу шутливый оборот и

мотивировать свое поспешное отступление патетическим восклицанием: «Подобно Каину, я изгоняюсь от сего места, узревши пролитый мной чай!» Но увы! Все было в заговоре против меня. Хозяину является несчастная мысль дополнить мою тираду, и он произносит торжественную клятву, что не выпустит меня, пока я не исправлю беды: я должен сам выпить чашку чая и обнести им других! Я уверен, что хозяин в припадке вежливости счел бы долгом употребить против меня даже насилие, и потому, скрепя сердце, повинуюсь. А она исчезла!

16 мая

Как прекрасно быть влюбленным, и как интересно сознавать это, – вот разница. Мысль, что она вторично ускользнула от меня, и бесит, и в то же время как будто радует меня. Теперь ее образ встает передо мною в каком-то неуловимом сочетании действительного с идеальным. Именно то, что этот создаваемый моим воображением образ – действительность, или то, что, по крайней мере, основанием ему служит действительность, и придает ему особую прелесть. Я уже перестал волноваться, нетерпеливый голос сердца замолк, да и что же мне беспокоиться? Она живет здесь, в городе, и этого с меня пока достаточно: возможность увидеть ее существует, а мой девиз – «наслаждение надо пить по капелькам!». Да и вообще, мне ли тревожиться? Ведь я, по всей справедливости, могу называться любимцем богов – мне выпало на долю редкое счастье полюбить вновь, со всей силой первой любви! Никому не достигнуть этого искусственно, это – неоценимый дар богов. Итак, в моем сердце зажглась новая любовь. Посмотрим же, надолго ли удастся мне поддержать ее пламя. Правда, я лелею эту любовь больше, чем мою первую: ведь такой случай редко кому выпадает на долю, и раз тебе удалось поймать его, не надо зевать. Суть дела не в том, чтобы обольстить девушку, а в том, чтобы найти такую, которую стоит обольщать. Любовь вообще великая тайна; первая любовь также, хотя и в меньшей степени. Но большинство людей не умеют хладнокровно и медленно выжать из нее всю эссенцию наслаждения, они торопятся, мечутся, обручаются, женятся, – словом, проделывают всевозможные глупости. В одно мгновение у них уже все окончено, а чего в сущности они добились и чего лишились, они и сами не знают. Она уже два раза встретила на моем пути – это значит, что мне предстоит видиться с ней еще чаще. Иосиф, истолковав сон фараону, прибавил: «А то, что сон твой повторился дважды, означает, что все это сбудется».

* * *

Интересно было бы заглянуть в будущее и увидеть проявление сил, обуславливающих содержание жизни. Пока она живет совершенно спокойно и не подозревает о моем существовании, о моей любви, и еще меньше об уверенности, с какой я рисую себе ее будущее. Моя страсть разгорается все сильнее и сильнее и требует реальной пищи, требует обладания! Если красота девушки при первом взгляде на нее не производит идеального впечатления, то и реальные отношения с ней не особенно желательны. Если же – да, то как бы человек ни был опытен и тверд, он почувствует точно электрический удар, соединяющий две противоположные силы души: горячую симпатию к ней и эгоизм. Каждому, кто не уверен в твердости своей руки, своего взгляда, словом, в победе, я советую действовать именно под этим первым впечатлением, возбуждающим его душевные силы до *pes plus ultra*. Но зато ему придется поплатиться высшим наслаждением: он уже не может наслаждаться самым положением своим, так как сам весь отдался ему в упоении страсти. Которое из этих двух родов наслаждения прекраснее – решить трудно, которое интереснее – решить легко; во всяком случае, истинное наслаждение в том и заключается, чтобы по возможности соединить их оба. Чем вообще наслаждаются обыкновенно другие люди, я решительно не понимаю. Просто обладание, по-моему, – ничто, да и средства, ведущие к нему, довольно низменного сорта. Обольстители этого пошиба не пренебрегают ни деньгами, ни насилием, ни чужим влиянием, ни, наконец, сонными порошками. Что же это за наслаждение – овладеть любовью, которая не отдается вполне свободно и добровольно! Впрочем, для того, чтобы добиться такой любви, о которой я говорю, – свободной, – и не жертвовать собой, нужно обладать высшим духовным развитием, а его-то и не хватает у этих quasi-обольстителей.

19 мая

Корделия! Ее зовут Корделия! Гармоничное имя – очень важное преимущество. Крайне неудобно, если с самыми нежными прилагательными придется вдруг связать некрасивое или смешное имя. Я узнал ее издали, она шла с двумя другими девушками. По некоторому замедлению их походки я догадался, что они скоро остановятся, и сам остановился на углу: читаю какую-то афишу и в то же время зорко наблюдаю за ними. Молодые девушки простились; две другие пошли дальше, а она двинулась в мою сторону. Едва она успела сделать несколько шагов, как одна из ее спутниц вернулась, крича: «Корделия, Корделия!». Затем к ней присоединилась и вторая. Все трое столкнулись лбами, и между ними произошло какое-то экстренное совещание, тайну которого я никак не мог уловить, несмотря на все ухищрения моего уха. Затем девушки рассмеялись и скорыми шагами направились в ту сторону, куда прежде пошли первые две; я, конечно, за ними. Через несколько минут они все исчезли в одном из домов по набережной. Я долго расхаживал около дома, предполагая, что Корделия скоро выйдет, но я ошибся – она осталась.

* * *

Корделия! Прекрасное имя! Так звали младшую дочь Лира, эту чудную девушку, сердце которой не жило на ее устах: уста ее смыкались, когда сердце переполнялось. Моя Корделия похожа на нее, я в этом уверен. Впрочем, о ней можно выразиться несколько иначе: ее сердце живет на устах, но не в словах, а более нежно, в поцелуях. Таких красивых свежих и пышных губ я еще не видал!

В том, что я действительно влюблен, убеждает меня та таинственность, которой я облекаю мою любовь к ней чуть ли даже не по отношению к самому себе. Всякая любовь таинственна, если только в ней есть необходимый эстетический элемент. Мне, по крайней мере, еще никогда не приходило в голову посвящать кого-нибудь в свои тайны и хвастаться победами. Я почти рад, что познакомился лишь с семейством, где она часто бывает, а не с ее собственным. Это, пожалуй, еще удобнее для меня: я могу наблюдать за ней, не возбуждая ее внимания, и – кто знает – без особенных затруднений сблизиться с ее семейством. А если будут затруднения? Хорошо! Давай их! Всем, чем я занимаюсь, я занимаюсь *con amore*, и люблю тоже *con amore*!

20 мая

Сегодня я добился, наконец, кое-каких сведений. Семейство, где Корделия часто бывает, состоит из почтенной вдовы, наделенной тремя взрослыми дочками. От них-то и можно получать в изобилии всевозможные сведения, с тем, однако, условием, что они имеют их, а вы умеете понимать разговор в «третьей степени». Мне приходится украсть выражение у математика, чтобы пояснить особенность речи этих милых девиц: все трое говорят зараз! Ее имя Корделия Валь – она дочь капитана-моряка, бывшего человеком очень суровым и жестоким. Как он, так и мать ее умерли несколько лет тому назад, и теперь Корделия живет у тетки, сестры покойного отца дамы, как говорят, похожей на брата, а, впрочем, очень и очень почтенной. Сведения, собственно, не ахти какие, но большего словоохотливые докладчицы сообщить не могли, так как не бывают сами у Корделии. Она же часто заходит к ним за двумя из сестер, с которыми учится стряпать в Королевской кухне. Поэтому она и бывает у них только в определенное время, рано после обеда или утром, но никогда вечером. Живут они с теткой очень замкнуто. Итак, ни жердочки, по которой я мог бы перебраться в дом Корделии!

Я знаю теперь, что она уже испытала горе и имеет понятие о темной стороне жизни. А кто мог бы догадаться об этом при первом взгляде на нее! Впрочем, тяжелые воспоминания относятся еще к раннему ее возрасту, когда она сама не сознавала темных туч, омрачавших ее жизненный небосклон. То и другое имело очень благотворное влияние на нее: во-первых, это спасло ее женственность, во-вторых – будет способствовать высокому подъему ее духовных сил, если только умело направлять их. Несчастья вообще налагают известный отпечаток гордости на характер, если только он не надломлен ими вконец. Последнего же о ней не скажешь.

21 мая

Она живет против земляного вала, местоположение не из удобных! Нет никаких визави, с которыми можно было бы свести знакомство, нет даже укромного уголка на улице, откуда я мог бы ухитриться исподтишка делать свои наблюдения. Вершина вала для этого не годится, на ней сам будешь виден как на ладони. Ходить мимо дома по противоположной стороне возле вала нельзя: там никто не ходит, и мое праздное шатание сразу бросится в глаза. Прогуливаться же как раз под окнами не имеет смысла: сам ты ничего не увидишь, а тебя – как раз. Дом стоит на самом углу, особняком, так что все окна, выходящие во двор, видны с улицы. Вон то третье окно с краю, вероятно, ее спальни.

22 мая

Я в первый раз встретил ее сегодня у г-жи Янсен. Меня представили ей. Особа моя, по-видимому, не произвела на нее никакого впечатления, да мне это и не нужно. Я сам старался держаться как можно незаметнее, чтобы не обратить на себя внимания и, таким образом, иметь возможность наблюдать за ней. Она оставалась всего несколько минут, пока барышни Янсен одевались, и эти минуты нам с ней пришлось провести в гостиной вдвоем. Я бросил ей несколько слов с самым холодным, флегматичным видом, почти свысока. Мне было отвечено с незаслуженной вежливостью. Затем они отправились. Я мог вызваться провожать их, но этим сразу записался бы в кавалеры, а я чувствую, что с этой стороны к ней не подойти. Я предпочел другое: отправился вслед за ними, но по другой дороге и неожиданно попался им у Королевской кухни. Они обогнули Королевскую улицу и вдруг, к своему великому удивлению, наткнулись на меня.

23 мая

Непременно надо добиться доступа в ее дом; я теперь, как говорят военные, готов начать кампанию! Однако это не совсем легкая задача. Никогда не знавал я семейства, которое бы жило так безобразно уединенно и замкнуто, – одна с теткой! Нет ни братьев, ни кузенов, ни одной ниточки, за которую бы можно было ухватиться, даже ни одного дальнего родственника! Я теперь всюду расхаживаю с одной рукой наготове и ни за что на свете не пошел бы ни с кем под руку.

Я все высматриваю, не покажется ли где какой-нибудь, хоть бы самый дальний, родственник: сейчас подцепил бы его и взял дом на абордаж! Право, это ни на что не похоже – жить так замкнуто! Ведь у бедной девушки отнимается всякая надежда узнать людей и свет, а это может привести к очень печальным результатам! Да и в отношении замужества, наконец, такая система никуда не годится! Правда, при таком изолированном образе жизни они гарантированы от воришек, тогда как в многолюдных собраниях «случай делает вора». А, впрочем, у этих светских девушек и украсть-то нечего. Шестнадцати лет их сердце уже исписанный альбом, а мне никогда не приходила в голову блажь записать свое имя там, где до меня расписались сотни, как не вздумается и вырезать свое имя на окне постоянного двора, на дереве или скамейке в публичном саду.

27 мая

Всматриваясь и вдумываясь в нее, я все более и более убеждаюсь, что она развивалась одна, замкнутая в самой себе. Для мужчины или юноши такое развитие не годится, им необходимо общение с людьми, так как их развитие основано главным образом на размышлениях, сравнениях и умозаключениях. Молодая девушка, по-моему, не должна казаться интересной: интересное есть вообще искусственный плод саморазмышления. Так интересное в изящных искусствах всегда отражает в себе личность самого творца-художника, и девушка, старающаяся казаться интересной, чтобы нравиться мужчинам, желает, в сущности, нравиться самой себе. Вот доводы, которые можно привести против умышленного кокетства. Кокетство же бессознательное, являющееся как бы движением самой женской природы, — прекрасно. Женская стыдливость, например, самое обольстительное и целомудренное кокетство. Интересная же кокетка теряет обаяние женственности, и если даже нравится мужчинам, то лишь таким, которые сами утратили свою отличительную черту — мужественность. Надо прибавить, что интересной такая девушка является исключительно в отношениях с мужчиной. Женщина — слабый пол, и все-таки известная самостоятельность и даже одиночество в период развития ей нужны куда больше, чем мужчине. Она должна находить полное удовлетворение в самой себе, но то, что ее удовлетворяет, — не что иное, как иллюзия воображения. Таким приданым природа наделила и всякую простую девушку наравне с принцессой крови. Это-то самоудовлетворение в иллюзии и помогает девушке жить и развиваться одиноко. Я часто и долго раздумываю, отчего это нет для молодой девушки ничего пагубнее постоянного общения с другими девушками? Причина кроется, по-моему, в том, что такое общение — ни то, ни се, оно лишь разрушает иллюзии, а не дает им разумного истолкования. Истинное и великое призвание женщины — это быть обществом для мужчины, его всезамещающей подругой. При частом же общении со своим полом в ней легко пробуждается размышление, она начинает рассуждать о своей личности, о своем призвании и кончает тем, что искажает его, делаясь вместо подруги только компаньонкой. Да, язык человеческий дает в этом случае очень характерные выражения. Мужчина называется господином, а женщина по отношению к нему ни служанкой, ни помощницей, или чем-нибудь в этом роде, — она называется по самому существу своему подругой, но не компаньонкой. Если бы меня спросили, каков мой идеал молодой девушки, я бы ответил: она должна быть предоставлена сама себе в своем развитии, а главное — не иметь никаких подруг. Правда, граций было три, но вряд ли можно было представить себе их беседующими друг с другом. Их молчаливый триумф есть, в сущности, лишь прекрасное женское единство.

Да, в этом отношении я не прочь бы, пожалуй, рекомендовать старинные девичьи терема, если бы только всякое ограничение свободы вообще не было вредно. Девушке должна быть предоставлена известная свобода, с тем, однако, чтобы ей не представилось случая употребить ее во зло. Развиваясь одиноко, на свободе, предоставленная самой себе, как полевой цветок, девушка вырастает прекрасной и спасенной от всякого интересничанья. Девушку, часто сталкивающуюся с другими девушками, напрасно прикрывают венчальной фатой чистоты и неведения, между тем как истинно невинная девушка всегда является взору мужчины с тонко развитым эстетическим вкусом, окутанною именно этой фатой, хотя бы традиционная венчальная фата в этом случае и отсутствовала. Корделия воспитана очень строго, я благословляю за то ее родителей в могиле; она живет очень уединенно и замкнуто — я готов расцеловать ее тетку. Она еще не знакома с радостями жизни, в ней нет этой суетной капризной пресыщенности. Она горда и смотрит на радости и увлечения других девушек свысока; наряды и пышность ее не прельщают — этим уклонением ее природы я сумею воспользоваться. Ко всему, она немного «полемиического» характера; требования ее натуры

идут вразрез с окружающим, но это и не удивительно для девушки с ее мечтательностью. Она живет в мире фантазий. Попади она в дурные руки, из нее могло бы выйти нечто очень неженственное, именно благодаря тому, что в ней так много женственного.

30 мая

Наши дороги постоянно пересекаются. Сегодня, например, мне удалось встретить ее три раза. Я всегда с математической точностью знаю, когда и куда она отправляется и где я могу с ней встретиться, но я не пользуюсь этим знанием, напротив, я расточаю его на ветер. Встреча, стоившая мне нескольких часов выжидания, упускается мной как пустяк: я не встречаюсь с ней, в действительном смысле слова, а лишь слегка касаюсь сферы ее действий. Зная заранее, что она будет в таком-то часу у Янсена, я, однако, позволяю себе встретиться с нею там лишь в тех случаях, когда мне нужно сделать какое-нибудь новое наблюдение. Обыкновенно же я предпочитаю туда прийти несколько раньше, а затем столкнуться с нею на мгновение в дверях или на лестнице. Она приходит, а я ухожу, небрежно пропуская ее мимо себя. Это первые нити той сети, которой я опутаю ее. Встречаясь с ней на улице, я не останавливаюсь, а лишь кланяюсь мимоходом; я никогда не приближаюсь, а всегда прицеливаюсь на расстоянии. Частые столкновения наши, по-видимому, изумляют ее: она замечает, что на ее горизонте появилась новая планета, орбита которой хоть и не задевает ее, но как-то непонятно мешает ее собственному движению. Об основном законе, двигающем эту планету, она и не подозревает и скорее будет оглядываться направо и налево, отыскивая центр, около которого она вращается, чем обратит взор на самое себя. О том, что центр этот – она сама, Корделия подозревает столько же, сколько ее антиподы. Вообще она ошибается, как и все мои знакомые, воображающие, что у меня пропасть дел – я же постоянно в движении и говорю, как Фигаро: «Одна, две, три, четыре интриги зараз – вот моя стихия». Я должен основательно изучить ее духовное содержание, прежде чем отважиться на приступ. Большинство же людей наслаждается молодой девушкой, как бокалом пенящегося шампанского в разгаре минутного веселья. Что ж, и это в своем роде недурно, к тому же с большинства девиц большего и взять нельзя. Если душа данного женского существа слишком хрупка и непрочна, чтобы выдержать кристаллизацию, то приходится взять ее, какова она есть, непрозрачной и неясной. Но моя Корделия выдержит испытание. Чем больше бывает в любви готовности отдаваться, тем интереснее любить. Минутное же наслаждение, – если и не во внешнем, то во внутреннем смысле, – все-таки известного рода насилие. А в насилии наслаждение лишь воображаемое; оно, как украденный поцелуй, не имеет для меня никакого *raison d'être*. Вот если доведешь дело до того, что единственной целью свободы девушки становится отдать себя, что она видит в этом все свое счастье, – тогда только ты испытываешь истинное наслаждение. Но чтобы добиться этого, нужно обладать большими умственными силами. Корделия! Какое чудное имя! Я сижу дома и упражняюсь, произнося его на все лады: Корделия, Корделия, моя Корделия, моя возлюбленная Корделия. Я не могу не улыбнуться при мысли о том, с какой виртуозностью я придам этому имени нужный оттенок в решительную минуту. Все должно быть тщательно изучено, подготовлено заранее; предварительные упражнения необходимы. Недаром поэты так часто описывают мгновение первого «ты». О, это чудное мгновение, когда едва слышное «ты» впервые слетает с уст влюбленных, не в порыве неудержимого экстаза любви, когда чувство бурно стремится перелиться через край (многие, конечно, останавливаются на этом), но в упоении бесконечного блаженства. Утопая в море любви, они оставляют там свое старое существо и, выходя из этой купели новорожденными, узнают друг в друге старых друзей, хотя им и всего лишь одна минута от роду. В жизни молодой девушки это самая прекрасная минута, но мужчина, чтобы вполне насладиться этой минутой, должен стоять выше нее, быть не только крещаемым, но и восприемником. Некоторая доза иронии придаст следующей минуте наибольший интерес: в эту минуту начинается духовное обнажение. Чтобы содействовать ему, нужно, конечно,

находиться в известном поэтическом настроении, но и лукавый божок шалости должен все-таки быть настороже – чтобы не позволить минуте стать чересчур торжественной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.